

Ардана Шатз

ЛЮБОВЬ
сквозь
МРАК

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84-4(2Рос=Рус)
Ш28

Шатз А.

Ш28 Любовь сквозь мрак / А. Шатз, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 226 с.

ISBN 978-5-521-92787-6

Заснула за партой своего университета, а проснулась в магической академии в мире, где все попаданцы приговариваются к смерти. Но мне повезло, я смогла заключить договор с одним из студентов: мои знания в обмен на его защиту. Кто бы мог подумать, что вся моя осторожность будет разрушена внезапно пробудившимися чувствами к моему спасителю... или к его другу, который подозрительно часто оказывается рядом. Теперь вместо зачета мне предстоит экзамен на выживание: найти дорогу в свой мир и понять, какую тайну скрывают от меня эти двое.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92787-6

© Ардана Шатз, текст, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Сегодня последний день. Если я не справлюсь, мне крышка. Почти все, кого я знала, были уже свободны от этого креста. Нас осталось всего пятеро — тех, кому придется сегодня снова идти на поклон к Инквизитору. Финальный раунд. Нужно продержаться всего пару часов, и он больше не сможет надо мной издеваться. Но при мысли о том, чтобы вновь остаться с ним наедине в тесном душном помещении, у меня начинали дрожать руки. Почему Инквизитор предпочитает именно такой способ пытки, не знал никто. Бывшие до нас говорили, что это его забавляет — находиться с жертвой один на один, чтобы никто и ничто не мешало.

Я взглянула на часы. До роковой встречи оставалось три четверти часа. Накапала в стакан успокоительного, будто оно могло помочь унять панику. Решила, что оттягивать неизбежное бессмысленно и лучше всего быстрее двинуться ему навстречу. Собрала нужные бумаги, сунула в сумку зачитанный до дыр и бесконечно ненавидимый учебник по латинскому и поехала в универ.

Заочники. Толпа наивных первокурсников, беззаботно рассуждающих о зачете, который вот-вот начнется. Размечтались. Он сейчас выпьет из вас всю кровь, а что не допил — выжмет и припрячет на ужин. Но зачет — это цветочки по сравнению с экзаменом на четвертом курсе. Сколько мы ни пытались узнать в деканате, почему нам разбивают изучение латинского языка перерывом в целых три года, нам никто не дал внятного ответа. Что-то блеяли про вводный и более углубленный курс. Но лично я считала, что Инквизитор сам выбрал такую разбивку, чтобы к четвертому курсу язык Цицерона выветрился из памяти студентов, и у него было больше поводов для издевательств. Инквизитор. Барыкин Ярослав Иванович. Лучший знаток латинского языка в нашем городе. Как же мне не повезло, что он преподавал именно на филфаке! Лучше

бы к медикам ушел, честное слово. Но нет, крупнейший вуз города просто обязан был иметь в своих рядах эту сволочь. Высмеивание за малейшую ошибку как письменно, так и устно, коверкание имен и фамилий, совершенно фантастические требования к объему заучиваемого материала. Хорошо, хоть палкой не лупил. Мне кажется, после его курса разбуди любого посреди ночи — он сможет вести непринужденную беседу на латыни хоть с Сенекой, хоть с Марком Аврелием.

Наша пятерка не сдавших ютилась на подоконнике у лестницы, ожидая, когда Барыкин закончит с заочниками. Но когда он вышел из кабинета, окинул нас многообещающим взглядом и сказал пройти в соседнюю аудиторию и ждать там, я поняла, что парой часов дело не обойдется.

Мы почти не говорили друг с другом. Все было сказано до этого. Четыре неудачные пересдачи выжали из нас все возможные эпитеты, которых был достоин Инквизитор. По любому другому предмету после двух заваленных попыток нас бы уже ждала комиссия, но деканат позволял чуть больше, когда дело касалось латинского. Ходили легенды, что несколько лет назад один студент до четвертого курса пересдавал зачет первого года обучения. Его отчислили только после пятого провала на экзамене. Это было решение самого Барыкина. «Если вы настолько бестолковы, что не можете сдать экзамен с пятого раза, диплом в вашей жизни ничего не изменит». Мы знали эту фразу наизусть на обоих языках.

Я села за последнюю парту и уткнулась в учебник. Я знала его наизусть, но почему-то это не спасло меня на экзамене. Под стальным взглядом Барыкина я начинала беспомощно блеять, путая окончания существительных и перевирая крылатые выражения. Полистала затертые страницы и поняла, что могу с легкостью называть номер страницы с тем или иным текстом. Отодвинула учебник и конспекты на край стола и принялась водить пальцем по исписанной поверхности парты. Обрывки ругательств, невнятные закорючки, неожиданно чей-то портрет в миниатюре и, конечно же, «Morituri te salutant». Куда же без этого в аудитории латинского. Еще пара давно заученных фраз. А вот третья, выцарапанная на столешнице мелко, но, судя по глубине царапин, очень стара-

тельно. «Messias Obscura, animam meam tibi commendo et rogo te ut me a mundo mortali auferat¹». Что за бред? Что еще за Темный Мессия? Перечитала фразу еще раз и фыркнула. Да уж, с таким преподам немудрено возжелать, чтобы тебя забрали подальше отсюда. Я сама уже была готова продать душу ради спасения. Хотя в это время наконец начало действовать лекарство и мне стало немного спокойней. А потом потянуло в сон. Я вздохнула. Нужно быть полной тупицей, чтобы после бессонной ночи зубрежки накапать двойную порцию весьма сильного успокоительного. Ладно, экзамен я вряд ли просплю. Впереди еще не меньше часа, а если идти сдаваться последней, то и все три часа можно выгадать. Я окликнула сидящего впереди парня из параллельной группы и попросила толкнуть меня, когда Барыкин начнет нас принимать. Потом опустила голову на руки и закрыла глаза.

Кажется, я опять пускала слюни во сне. Я высвободила руку и вытерла краешек рта. Вокруг было темно. А где все? Меня что, забыли? Я выпрямилась и огляделась. Ни черта не видно. Подумала даже, что просто забыла открыть глаза. Но что с открытыми, что с закрытыми — разницы не было. Густая чернота. Не видно даже окон, в которых и в самую глубокую ночь должны отражаться отсветы фонарей с улицы.

Что за хрень? Я встала, не рассчитав расстояние, и больно задела бедром угол стола. Вытянула руки вперед, медленно нащупывая дорогу к двери. Неужели меня и правда забыли разбудить, а потом и вовсе закрыли в аудитории? Про мобильный, оставшийся в сумке, я вспомнила, только когда уже дошла до стены. Пошарила рукой в поисках выключателя, но вместо знакомых деревянных панелей пальцы наткнулись на холодный камень.

Попыталась найти дверную ручку, но даже саму дверь не обнаружила. Сплошная стена, холодная и слишком твердая. Я решила вернуться на свое место, чтобы забрать сумку, но замерла, когда из дальнего угла донеслось чавканье. Звук был такой, будто большой пес жадно хватает куски мяса. Воображение сразу нарисова-

¹ Темный Мессия, я вверяю тебе свою душу и прошу тебя забрать меня из мира смертных

ло клыкастую пасть, из которой тянутся ниточки вязкой слюны. Нечто невидимое мне прихлебывало и причмокивало, тихо урчало от удовольствия и, кажется, скребло когтями по деревянному полу. Я прижалась к стене. Холодный камень соприкоснулся с влажной от пота спиной, и меня продрало до кишок. Казалось, что еще больше испугаться невозможно. Но когда подобные звуки, отразившись от стен, раздались еще с двух сторон, я поняла, что готова умереть от страха прямо сейчас. А хуже всего было то, что они медленно приближались ко мне.

Я попыталась сглотнуть, но в глотке было сухо; из глаз потекли слезы, а в голове замелькали обрывки молитв, подслушанных, подсмотренных, но чуждых до этой секунды. Отче наш, идя долиною тени, не боюсь я зла. Еще как боюсь. Господи, пусть это будет хотя бы не больно!

Я уже не чувствовала холода за спиной, как не чувствовала себя саму, когда где-то вдалеке засветился огонек. Чавкающие звуки прекратились, но напряжение не спало. Невидимые существа словно затаились, недовольные чужим вторжением. А огонь тем временем разгорался, приближаясь все быстрее, и наконец вспыхнул так ярко, что я закрыла глаза руками. Инстинкты ударили под колени, и я резко опустилась на пол, продолжая прижимать ладони к глазам. Я уже приготовилась к грохоту, который обычно сопровождает взрывы в кино, но вместо этого воцарилась тишина. Затем я услышала чьи-то шаги, шум падающей мебели и царапающий перестук когтей по полу. Недовольное ворчание, словно у собаки из пасти вырвали кость, сменилось шипением и клацаньем. Я скорчилась на полу, вжимаясь в стену. Убрать руки от моих глаз сейчас не смогла бы даже вся нечисть из «Вия». Клацанье зубов уступило место пронзительным воплям, и наконец все стихло. Ко мне постепенно возвращались остальные чувства, которые до этого спрятались где-то внутри, уступив место слуху. Я ощутила влагу на лице, твердый пол под пятой точкой. Вновь вернулись холод и боль в бедре. Кажется, я до сих пор была жива. Но открывать глаза все еще боялась.

Тихие шаги приблизились, и спокойный мужской голос что-то произнес на незнакомом языке. А у меня наконец-то хватило смелости отлепить руки от лица.

Он стоял в паре шагов, с любопытством рассматривая меня. Вокруг снова было темно, но под потолком что-то мягко светилось, позволяя разглядеть общие очертания. Это точно не наша аудитория латинского. Арочные окна слишком высоко уходили вверх, стены как будто раздвинулись — помещение стало раза в три больше, чем я помнила, а старых столов, которые меняли на нашем факультете в последнюю очередь, вообще не было. Вместо них в центре аудитории кучей громоздились гладкие светлые парты со скошенными столешницами.

— Что... что за хрень?

Незнакомец продолжал пристально смотреть на меня, словно изучая мою реакцию. А я уже поднималась на ноги, пытаюсь сдерживать дрожь.

— Что это? Что за нахрен тут творится?

Он вновь произнес непонятные слова, а затем сделал шаг вперед, вытянул руку и обхватил пальцами мой лоб. Я хотела отшатнуться, но сразу за спиной была стена. Пальцы резко сжали мои виски и так же резко отдернулись, а у меня в голове вспыхнул пожар. Виски горели от чужого прикосновения, и боль расплзалась по всему черепу. Я вскинула руки, но боль исчезла так же резко, как появилась.

— Так лучше?

— Лучше, чем что?

Я пыталась хоть что-то понять. Кто этот ненормальный, где я и что происходит? Однако мой ответ почему-то ему понравился. Одна сторона его губ поползла вверх, что, видимо, считалось у него улыбкой.

— Отлично. А теперь помоги мне. Надо навести здесь порядок, пока никто не объявился.

— Подожди, пожалуйста. — Я вытянула руку в упреждающем жесте. — Я ничего не понимаю. Ты вообще кто? И что здесь было в темноте? Куда оно делось?

Парень отвернулся и начал одну за другой переворачивать парты. Грохот стоял такой, что если кто-то и мог объявиться, то он наверняка уже услышал шум и направлялся сюда.

— На твоём месте я бы присоединился, иначе я могу провозить-

ся дольше, чем выдержит стена молчания. А на этот грохот обязательно придет кто-то из Бессменных. И поверь, он будет просто счастлив обнаружить здесь попаданку.

— Что? Хочешь сказать...

— Темный Мессия, у вас там все такие тупые?

— Где «у нас»?

Кусочки информации начали медленно выстраиваться в цепочку. Абсолютно невозможную, идиотскую цепочку. Странная фраза про Темного Мессию, пробуждение в незнакомом месте, появление парня, говорящего на незнакомом языке, да еще и киношные спецэффекты с парящим огнем и вспышкой света. Нет, это невозможно!

— Кто такой Темный Мессия? — Один из множества вопросов вырвался сам.

Парень даже не обернулся.

— Тебе это ни к чему. Ты все равно скоро умрешь.

Слова были сказаны таким будничным, скупающим тоном, что я не пришла в ужас, а только скептически приподняла бровь.

— С чего это?

— Попаданки вне закона. И очень дорого ценятся, поэтому если их обнаруживают живыми, то быстро передают Сильнейшим. Так что до нового дня они обычно не доживают.

После всего пережитого я уже не могла всерьез испугаться, хотя новости определенно были тревожными. Мне бы начать паниковать, но мозги отчаянно цеплялись за нестыковки, надеясь увериться, что это дурной сон.

— Тогда почему ты меня еще не сдал?

Грохот очередной парты, становящейся с головы на ноги, скрежет по полу.

— Мне не нужны деньги.

Наконец-то отличная новость. Значит, и ловить меня он не станет. А раз оставаться здесь так опасно, как говорит этот парень, у меня есть возможность сбежать.

Я медленно начала двигаться вдоль стены, держа в поле зрения прикрытую дверь в дальней части аудитории и краем глаза наблюдая за незнакомцем.

— Можешь не красться. Тебе все равно не удастся покинуть Академию. Я остановилась. У него слух как у лисицы или глаза на затылке?

— Предлагаешь мне оставаться здесь и ждать, пока за мной придут?

— Я предлагал тебе помочь мне с партами. Тогда у тебя было бы чуть больше времени.

Он грохнул последнюю парту о пол, выпрямился и повернулся, вытирая лоб. А я впервые за вечность пребывания здесь смогла внимательно разглядеть его.

Мой ровесник, плюс-минус пара лет. Темные волосы, разделенные прямым пробором, падали на лицо. Прядь справа была то ли выкрашена, то ли белой от природы. Уставший и какой-то равнодушный взгляд. Чуть вытянутое лицо могло показаться красивым, но в нем будто не было жизни. Одет в черную рубашку с удлиненным кожаным жилетом. Штаны заправлены в высокие ботинки, на руках короткие кожаные митенки. Он осмотрелся вокруг и хмыкнул.

— Тебе везет. Стена выдержала. Можем немного поболтать. До рассвета еще есть пара часов.

— А потом за мной придут?

— Именно.

Я все еще не верила в происходящее. Но выбор у меня был не большой. Я уселась на ближайшую парту и вздохнула.

— Меня правда убьют?

Он кивнул. Капец.

— А ты можешь мне помочь сбежать? Вернуть меня обратно? Что-нибудь, чтобы меня не убили.

— Зачем мне это?

Я опешила. Это здесь нормальным считается — видеть человека, которому грозит смерть, и быть настолько равнодушным?

— А почему ты вообще здесь?

— Было любопытно взглянуть своими глазами на попаданку.

— И как? Удовлетворил свое любопытство?

Он неопределенно пожал плечами.

— Все в точности, как рассказывают.

— И что же у вас рассказывают? Почему вообще меня должны убить?

Он сел на соседнюю парту, оперся на руки и закинул ногу на ногу.

— Официально — вы нарушаете и без того тонкую ткань мира. На деле же каждое ваше появление — точнее, те случаи, когда вам все-таки удавалось выжить и как-то сбежать от потрошителей, — оборачивалось катастрофой. Может быть, не критичных масштабов, но страдало достаточное количество людей, чтобы объявить вас вне закона. А главная причина, почему любой с радостью потащит тебя Сильнейшим, — это такая награда, что можно годами швыряться деньгами в борделях и кабаках и все равно хватит на сытую старость. — Он внимательно посмотрел на меня и ответил на невысказанный вопрос: — Ваша кровь очень высоко ценится. Некоторые идиоты считают, что, если ее выпить, обретишь бессмертие, неуязвимость, возможность превращать любой предмет в золото одним касанием, и прочая чушь. На деле же все гораздо сложнее, но в двух словах — в алхимии она незаменима. Иногда те, кто находит разорванные потрошителями тела попаданок, пытаются нацедить хоть одну склянку оставшейся крови. Идиоты. Это сложная процедура, недоступная несведущим. Поэтому самый верный способ получить выгоду от вас — поскорее связаться с Сильнейшими. А уж они выжмут каждую каплю крови.

Я потрясенно молчала. С каждым словом реальность становилась все материальней и все сильнее давила на меня осознанием, что это может оказаться ни хрена не сном.

— И что мне делать?

Он снова пожал плечами.

— Можешь напоследок закатить истерику и попытаться убедить меня, что от тебя будет польза. Они обычно так и делают — те, кто выживает. Говорят о вашем мире. Технический прогресс, достижения цивилизации, интернет... нет? А на деле не могут объяснить ни этот интернет, ни хотя бы одно из перечисленных достижений. «Оно работает, но я не знаю как. Знаю только, что работает». — Он пискляво изобразил женский голос и вздохнул. — А толку миру от твоего знания, если ты не можешь им поделиться. От их крови куда больше пользы.

— Но это убийства!

— Это соблюдение закона! — Он резко повысил голос. Оглянувшись на закрытую дверь, поморщился и прижал ладонь ко лбу. Продол-